

*Аналитические доклады Института Кавказа
№2, август 2010 г.*

Сергей Минасян

**НАГОРНЫЙ КАРАБАХ
ПОСЛЕ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ
КОНФЛИКТА:
НЕИЗБЕЖНАЯ ПРОЛОНГАЦИЯ
СТАТУС-КВО?**

УДК 32.001 : 341
ББК 66 + 67.91
М 613

Содержание

М 613 Минсян Сергей

Нагорный Карабах после двух десятилетий конфликта: неизбежная пролонгация статус-кво? Аналитические доклады Института Кавказа, №2, август 2010 / Науч. ред.: Александр Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2010. – 80 с.

Второй выпуск Аналитических докладов Института Кавказа посвящен исследованию различных аспектов карабахского конфликта в динамике его развития за последние два десятилетия. Основная задача доклада – системный анализ конфликта, выявление факторов и тенденций, способных повлиять на подходы как самих противостоящих сторон, так и вовлеченных в конфликт региональных и глобальных акторов и стран-посредников. Значительное место уделено исследованию военно-политической и военно-технической составляющих конфликта. Анализируется влияние карабахского конфликта на региональную политику и политический дискурс в третьих странах, значение временного фактора, а также взаимоотношения внешних акторов с конфликтующими сторонами. Доклад представляет интерес как для специалистов-политологов, так и для широкого круга читателей.

Научный редактор: Александр Искандарян
Литературный редактор: Нина Искандарян
Дизайн и верстка: студия «Коллаж» / www.collage.am

УДК 32.001 : 341
ББК 66 + 67.91

ISBN 978-99941-2-413-8

© Институт Кавказа, 2010
© 2010 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза

1. Введение	5
2. Карабахский конфликт в системе мировых этнополитических конфликтов	7
3. Стратегии и политические подходы конфликтующих сторон	17
3.1. Азербайджан: ставка на нефть и блокаду	18
3.2. Армения: комплементаризм и диаспора	24
3.3. Нагорный Карабах: вопросы права и безопасности	27
4. Региональное и международное измерение карабахского конфликта	31
4.1. Посредники, великие державы и Европейский Союз	31
4.2. Региональный контекст	36
4.3. Турция и карабахский конфликт	38

5. Военно-политическое измерение конфликта	43
5.1. Соотношение военно-технических, политических и количественных параметров в общем военном балансе	43
5.2. Анализ военно-технического потенциала сторон	48
5.3. Реалии «возможной войны»: асимметрия целей и концепций?	62
6. Вместо заключения: будущее карабахского конфликта, или на кого работает время?	73
Об авторе	78
Об Институте Кавказа	79

1. Введение

Уже два десятилетия карабахский конфликт продолжает оставаться важнейшим фактором, влияющим на политическую карту Южного Кавказа и на судьбы армян и азербайджанцев, проживающих в этом регионе. Движение армян Нагорного Карабаха за самоопределение, стартовавшее в феврале 1988 г., вылилось в ожесточенный конфликт населения этой бывшей советской автономии (и поддерживавших их армян в Армении и во всем мире) сперва с коммунистическими властями СССР и Азербайджанской ССР, а затем, после развала Советского Союза, — с независимым Азербайджаном. Жертвами конфликта с обеих сторон стали десятки тысяч человек; сотни тысяч были депортированы, потеряли свои дома и имущество, превратились в беженцев и вынужденно перемещенных лиц.

Все конфликтующие стороны приводят значительное количество исторических, политических и правовых аргументов для обоснования своей позиции и проводимой политики. Вместе с тем, общественность и элиты Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха, демонстрируя минимум готовности к компромиссному урегулированию, целиком возлагают на противостоящую сторону вину за эскалацию конфликта и отсутствие воли к миру. Вовлеченные в

той или иной степени в сам конфликт или в процесс мирного урегулирования третьей страны и международные организации не имеют единой позиции и зачастую преследуют собственные цели и интересы в политических процессах вокруг Нагорного Карабаха.

В результате переговорный процесс по Нагорному Карабаху напоминает ситуацию перманентного *déjà vu*. Удивительно, но хотя не заметно серьезных подвижек по достижению в обозримом будущем мирного соглашения вокруг Карабаха, сами конфликтующие стороны воспринимают ситуацию сохраняющегося статус-кво как минимально приемлемую. Даже проигравший в войне Азербайджан, заявляющий время от времени о своей готовности взять реванш силовым путем, тем не менее, исходя из политических и военных ограничений, также вынужден учитывать сложившиеся реалии, где сохранение неопределенности в переговорном процессе является «меньшим из зол».

Основная задача доклада — системный анализ конфликта, выявление факторов и тенденций, способных повлиять на подходы как самих противостоящих сторон, так и вовлеченных в конфликт региональных и глобальных акторов и стран-посредников. Значительное место уделено исследованию военно-политической и военно-технической составляющих конфликта; проведен компаративный анализ факторов, влияющих на военный баланс в регионе и вероятность возобновления/невозобновления боевых действий в зоне конфликта. Анализируются влияние карабахского конфликта на региональную политику и политический дискурс в третьих странах, значение временного фактора, а также взаимоотношения внешних акторов с конфликтующими сторонами.

2. Карабахский конфликт в системе мировых этнополитических конфликтов

Динамика карабахского конфликта, приведшего к созданию по его итогам на Южном Кавказе нового непризнанного государственного образования — Нагорно-Карабахской Республики, четко укладывается в мировую логику процессов национального строительства и появления новых государств. Подобные этнополитические конфликты¹, сопровождающиеся появлением новых де-факто государственных образований, не являются уникальными ни для Южного Кавказа (Абхазия и Южная Осетия), ни для постсоветского пространства (Приднестровье), ни для региона Передней Азии и Средиземноморья (Северный Кипр), ни для Балкан (Косово), ни для других регионов

¹ Этнополитический конфликт характеризуется тем, что затрагивает одновременно политическую и этническую сферы, при этом политическая составляющая (борьба за власть, территории, ресурсы и т.д.) зачастую выходит в таком конфликте на первый план. Под этнополитическим конфликтом также принято понимать процесс разрешения конфликтных проблем между этносами и этническими группами с помощью политических средств.

мира (Эритрея, Бангладеш, Ачех и т.д.)².

Долговременное состояние «ни мира, ни войны» вокруг Нагорного Карабаха и неспособность конфликтующих сторон и посредников уже второе десятилетие добиться окончательного урегулирования объясняются не только сложным геополитическим фоном и региональным соперничеством сверхдержав. Это также результат отсутствия воли и желания к урегулированию у самих конфликтующих сторон. Но при всей своей специфичности, карабахский конфликт четко укладывается в ряд «классических» этнополитических и/или этнотерриториальных вооруженных конфликтов, связанных с процессами национального строительства и этнического размежевания³. Из числа этнотерриториальных конфликтов, именно сепсессионистские и ирредентистские⁴ конфликты,

² В тематику данной работы не входит детальный анализ хронологии и динамики развития карабахского конфликта. См. подробнее: Nikolay Hovhannisyán. *The Karabakh Problem: Factors, Criteria, Variants of Solution*, Yerevan, 1999; Sergey Minasyan. Mikhail Aghajanyan and Eleonora Asatryan, *The Karabakh Conflict: Refugees, Territories, Security*, Yerevan, 2005; Сурен Золян. *Нагорный Карабах: проблема и конфликт*, Ереван, 2001.

³ Этнотерриториальными конфликтами являются споры и конфликты этносов и этнических групп за права проживать на определенной территории, владеть и/или управлять ею. Территориальные споры между суверенными государствами не являются классическими этнотерриториальными конфликтами, т.к. в них вовлекаются не просто этносы, а также государства и нации, при этом зачастую полиэтничные общности. Поэтому их более принято называть межгосударственными или международными конфликтами, хотя между классическими этнотерриториальными и межгосударственными конфликтами существует теснейшая связь и им свойственны во многом одинаковые законы развития и классификации. См. подробнее: Вадим Стрелецкий. «Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы», *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*, Марта Брилл Олкотт, Валерий Тишков, Алексей Малашенко (ред.). М., 1997, с.231.

⁴ Среди этнотерриториальных конфликтов выделяют сепсессионистские (под которыми понимают политические или этнополитические движения, направленные на выход части территории государства из его состава — т.е. сепсессию, с целью образования нового независимого государства) и ирредентистские (когда целью выхода из состава одного государства является присоединение или вхождение в состав уже существующего государства).

сопровождающиеся возникновением новых де-факто государств, считаются в политической науке крайней и наиболее ожесточенной формой развития этнополитического конфликта. Как отмечает А.Ямсков, в таком конфликте «компромиссное решение в принципе невозможно; конфликт может быть либо подавлен силой, либо в итоге он приведет к разрушению исходного полиэтничного общества путем его распада на два новых общества или трансформации в принципиально иной социум после эмиграции (депортации) конфликтного меньшинства»⁵.

Соответственно, применительно к карабахскому конфликту необходимо учитывать мировой опыт попыток разрешения подобного рода сложных этнополитических конфликтов, прошедших активную военную фазу. Такие этнополитические и этнотерриториальные конфликты практически никогда не удавалось урегулировать путем паритетного компромиссного соглашения, одинаково удовлетворяющего все стороны. Мировая история последнего столетия практически не знает подобных примеров, кроме совсем уж экзотических случаев, когда конфликты не достигали такого ожесточения, имели малый ареал или же не являлись приоритетными для самих конфликтующих сторон⁶.

И наоборот, широко разрекламированные компромиссные соглашения, вызвавшие в свое время мировой резонанс и поддержку значительной части общественности конфликтующих сторон, зачастую приводили лишь к еще более кровопролитным вспышкам насилия, после которых

⁵ Анатолий Ямсков, «Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии», *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*, с.209.

⁶ Например, классическим этнотерриториальным спором, получившим компромиссное решение, явился вопрос Триеста, разделенного между Италией и бывшей Югославией после Второй мировой войны; впрочем, вопрос о создании непризнанного государства там не стоял.

конфликт продолжал развиваться, но в еще более трудных условиях. Классическим примером могут служить Соглашения Осло 1993 г. по урегулированию арабо-израильского конфликта, которые не только не привели к достижению долгожданного мира на земле Палестины, но стали прологом к гибели главного архитектора мирного процесса Ицхака Рабина, новому витку интифады, активизации атак арабских боевиков на Израиль, Ливанской войне 2006 г., операции «Литой свинец» в секторе Газы в конце 2008 г., а также демократическому приходу к власти в секторе Газа движения «Хамас». Слишком уж часто такого рода идеалистическое и основанное на «идефикс» компромиссного урегулирования «желание мира без понимания реальностей мирного процесса приводило к совсем иным результатам, нежели планировалось изначально»⁷.

Во всех остальных случаях этнополитические и территориальные конфликты, особенно связанные с сецессией и этническим размежеванием сторон, имели лишь очень небольшой набор сценариев, приводивших (или же, наоборот — до сих пор так и не приведших) к окончательному решению или долговременному миру. Можно предложить следующую, естественно, весьма условную, классификацию таких конфликтов по типологии и сценариям развития:

- Первый сценарий предполагает достижение одной из сторон — непризнанным или де-факто государством — настолько убедительной победы (или же фактической капитуляции бывшей «метрополии»), что проигравшая сторона полностью или на очень долговременную историческую перспективу отка-

⁷ Сергей Маркедонов, *Стратегия миротворческого ускорения*, <http://www.politcom.ru/8492.html>, 13.07.2009.

зывается от всяких надежд и претензий на возврат данных отделившихся территорий, особенно, если сложившаяся ситуация найдет понимание и будет признана со стороны международного сообщества или хотя бы значительного количества стран мира. Условными примерами достижения успешной и окончательной независимости, вопреки желанию бывшей «метрополии» можно считать Косово, Бангладеш и Эритрею⁸. Схожими примерами «окончательного решения» в долговременной исторической перспективе уже чисто территориального межгосударственного конфликта могут послужить Эльзас и Лотарингия. Типологически довольно схожим примером являлся также масштабный процесс деколонизации и обретения независимости бывшими колониями европейских метрополий.

- Вторым (и похожим по своим результатам на первый) сценарием «окончательного разрешения» этнополитического конфликта или же проблемы непризнанных государств является полное уничтожение отделившейся этнополитической единицы. Аналогичный результат может иметь и военный разгром соседней страны — этнической родины непризнанного государства. «Классическим» (и зер-

⁸ Кроме указанных примеров обретения независимости этнополитическим государственным образованиям вопреки желанию бывшей «метрополии», существуют многочисленные примеры добровольного распада государств (Чехия и Словакия, Мали и Сенегал, Сингапур и Малайзия, Сирия и Египет, Ирландия и Великобритания, Норвегия и Швеция, Исландия и Дания). См. подробнее: Александр Искандарян, «Генезис посткоммунистических этнополитических конфликтов и международное право (на примере Закавказья)», *Этнополитические конфликты в Закавказье: их истоки и пути решения*. Центр международного развития и конфликтологии Мерилендского университета, Колледж Парк, Мериленд, 1997.

кальным по отношению к первому случаю) примером «окончательного решения» этнополитического конфликта может послужить бывшая Республика Сербская Краина в Хорватии, уничтоженная всего за 4 дня в августе 1995 г. в результате стремительного наступления хорватских войск. Исторически похожим примером могут послужить Судеты, когда после поражения и капитуляции Германии во Второй мировой войне и по результатам послевоенных договоренностей германское население этого региона на территории нынешней Чехии было практически полностью депортировано и выселено.

- Третий сценарий – замороженный или вялотекущий конфликт, в котором проигравшая сторона (т.е. бывшая «метрополия») не смирилась с существующим положением и имеет надежды каким-то образом достигнуть военного или политического реванша и вернуть отколовшуюся территорию. Такого рода классическим примером «замороженного конфликта» может служить Карабах. Довольно схожим примером в данной классификации может явиться и арабо-израильский конфликт. Хотя арабо-израильский конфликт не является классически «замороженным», в нем явно проявляется нежелание одной из сторон (в данном случае – палестинских арабов) смириться с существующим положением, при этом потенциал потерпевшей стороны позволяет ей поддерживать конфликт в стадии «медленного горения» (в виде интифады, акции боевиков-смертников, обстрелов израильской территории и т.д.).
- Четвертый сценарий – это так называемый «Кипрский прецедент» или фиксация практически

неизменного статус-кво в зоне конфликта. Кроме Северного (Турецкого) Кипра, данная ситуация вполне применима к Тайваню⁹, Кашмиру (противостоянию Индии и Пакистана), а с августа 2008 г. – также к Абхазии и Южной Осетии. Отчасти таковым можно считать Приднестровье, где вероятность возобновления вооруженного конфликта сведена к нулю его «излишне европейским расположением». Для «Кипрского прецедента» характерно признание и/или прямая поддержка этнополитической единицы со стороны ее этнической родины (или «материнского» политического образования) или же мировой или региональной державы. Серьезные политические ограничения на возобновление боевых действий (как в случае с Китаем и Тайванем или Молдовой и Приднестровьем), или же несоизмеримость силового потенциала бывшей «метрополии» или страны-реваншиста (как в случае с Грецией, Кипром и Турцией, или же Грузией и Россией) делают невозможным в обозримом будущем изменение статус-кво. При этом сами конфликтующие стороны также понимают нереальность изменения статус-кво в зоне конфликта в обозримом будущем. Однако полноценного международного признания, исходя из тех или иных политических обстоятельств, или же окончательного примирения бывшей «метропо-

⁹ В случае с Тайванем имеет место уникальный пример в мировой практике при анализе динамики статуса де-факто государства, т.к. Тайвань превратился в де-факто и частично признанное государство начиная с 1971 г., после того, как был не только признан мировым сообществом и легитимным актором международных отношений, но и являлся с 1945 по 1971 гг. одним из пяти постоянных членов Совета безопасности ООН.

лии» со сложившейся реальностью, не происходит, и окончательного урегулирования конфликта не происходит.

- Пятый сценарий (в реальности - переходный между вторым и третьим) – вынужденный или добровольный отказ этнополитической единицы (пусть даже временный) от суверенизации. Классическим примером десоверенизации (под внешним давлением) непризнанной республики может послужить Республика Сербская, включенная по результатам Дейтонских соглашений декабря 1995 г. в состав Боснии и Герцеговины. С некоторыми оговорками можно включить в данную категорию и Чечню (Ичкерия) по состоянию на начало 2000-х гг. Аналогично произошла десоверенизация провозглашенного в 1976 г. «Государства Ачех» (в северной части индонезийского острова Суматра), когда после тридцатилетних боевых столкновений в соответствии с подписанным в Хельсинки в 2005 г. мирным соглашением между центральными властями и ачехскими повстанцами эта территория (более всего пострадавшая от разрушительного цунами и землетрясения в Индийском океане в декабре 2004 г.) получила статус «особой автономии» в составе Индонезии. Достаточно показательным примером может послужить также отказ албанского меньшинства Македонии от сепаратизма и создания собственной государственности по результатам Охридского соглашения 2001 г. Кстати, неудачная попытка применить данный сценарий для урегулирования карабахского конфликта уже была предпринята в виде идеи «Общего государства»,

предложенной государствами-посредниками при сильном международном давлении в конце 1990-х гг. В реальности этот проект представлял собой не что иное, как своеобразное проецирование технологии Дейтонских соглашений на карабахский конфликт.

Таковы основные сценарии развития актуальных мировых этнополитических конфликтов, связанных с появлением непризнанных или де-факто государств. В предложенной классификации, как представляется, карабахский конфликт не является уникальным, хотя и имеет свои специфические черты, в частности:

- наличие многолетнего формата переговорного процесса с участием посредников (сопредседателей Минской группы ОБСЕ в лице трех ведущих мировых ядерных держав – постоянных членов Совета безопасности ООН),
- сохраняющееся хрупкое перемирие на линии соприкосновения при полном отсутствии миротворцев,
- значимость Южного Кавказа для региональных и мировых акторов.

3. Стратегии и политические подходы конфликтующих сторон

В карабахском конфликте налицо полное несовпадение подходов и неготовность конфликтующих сторон к компромиссам. Уровень гипотетических максимальных уступок, на которые в принципе может быть готова каждая из противоборствующих сторон в ходе переговоров, абсолютно не соответствует минимальным ожиданиям общества и элит противоположной стороны¹⁰. С другой стороны, как внешние ограничители в виде позиций ведущих держав и международного сообщества, так и сложившийся в конфликте военно-политический и военно-технический баланс на современном этапе реально сдерживают возобновление боевых действий в зоне конфликта. Однако острое противостояние армянских и азербайджанской сторон от этого не ослабевает, а просто принимает иную форму.

---

¹⁰ См. подробнее: Laurence Broers (ed.), "The Limits of Leadership. Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process", *Accord*, issue 17, 2005.

3.1. Азербайджан: ставка на нефть и блокаду

Поражение в боевых действиях 1992-1994 гг. сильно ударило по национальной идентичности Азербайджана. Необходимость возвращения Карабаха пусть даже очень высокой ценой стала ключевым элементом государственного строительства постсоветского Азербайджана и идеологической основой консолидации азербайджанского общества. На протяжении последних двух десятилетий борьба за Карабах являлась одним из столпов внешней и внутренней политики Азербайджана. Основной упор в этой борьбе изначально делался на коммуникационную блокаду Армении и Карабаха при поддержке Турции, а также дипломатические и пропагандистские усилия на международном уровне. В последние же годы на передний план вышло интенсивное наращивание военного потенциала Азербайджана, основанное на доходах от добычи углеводородов. Ожидалось, что все это вместе заставит Карабах и Армению пойти на уступки, не выдержав экономической изоляции и гонки вооружений.

Однако расчет на блокаду себя не оправдал. С середины 1990-х гг. Армения успешно развивалась экономически; на протяжении нескольких лет вплоть до начала мирового финансового кризиса в 2008 г., темпы ее экономического роста достигали двузначных цифр. Достаточно успешно протекает и выход Армении из мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Новым испытанием для карабахской политики Баку стал начавшийся в 2008 г. армяно-турецкий процесс. Ведь в случае открытия армяно-турецкой границы Армения могла бы получить новые коммуникационные пути, и рассчитанная на блокаду стратегия Баку потеряла бы всякий смысл. И хотя армяно-турецкий процесс пока ничем не завершился, в двусторонних отношениях Азербайджана и Турции остался негативный осадок.

Причем кризис в отношениях между Анкарой и Баку случился не только на уровне политических элит или властных структур: намного острее «предательство» турецких властей восприняло азербайджанское общество. А в Турции как минимум на экспертном уровне актуализировался дискурс о совпадении/несовпадении политических интересов Баку и Анкары¹¹.

На сегодняшний день основной аргумент Азербайджана в карабахском конфликте — значительные доходы от добычи нефти и газа, которые дают надежду Азербайджану добиться кардинального преимущества в военно-технической сфере и вынудить Армению и Карабах пойти на уступки. Суммарные оценки азербайджанских запасов нефти и газа на шельфе Каспийского моря варьируются в зависимости от политических пристрастий исследователей, и очень трудно составить объективное представление о реальном углеводородном потенциале Азербайджана. Во всяком случае, он весьма значителен, хотя и не безграничен. Однако политика, основанная на нефтяных доходах и военном превосходстве, сталкивается с двумя проблемами.

Во-первых, нефть и газ не являются залогом ни стабильного экономического роста, ни политического развития стран-экспортеров, особенно, если эти страны имеют лишь небольшой опыт государственного строительства и делают первые шаги по пути демократического транзита и формирования институтов гражданского общества. Не случайно существует даже термин «нефтяное проклятие», который довольно точно характеризует степень экономических, соци-

---

¹¹ Nigar Goksel, "Turkey and Azerbaijan: Passion, Principle, or Pragmatism?", *On Turkey, GMF Analysis*, June 4, 2009 (available at <http://www.gmfus.org/onturkey/index.cfm>).

альных и политических проблем и сложностей, возникающих, когда на страну обрушивается денежный поток от продажи природных ресурсов. Эти проблемы являются темной стороной фасада экономического благополучия стран-экспортеров нефти. В истории есть десятки примеров стран, в судьбе которых наличие богатых природных ресурсов (в первую очередь нефти и газа) сыграло коварную и даже роковую роль – от Нигерии до Мексики, от Испанской империи Габсбургов (в данном случае – дешевого серебра из рудников в испанских колониях в Америке) до СССР¹².

И во-вторых, положение в зоне конфликта таково, что вернуть Карабах под свою юрисдикцию в результате военных действий Азербайджану будет очень трудно в силу сложившегося военно-технического и военно-политического баланса, важнейшей составной частью которого является удобная и фортификационно укрепленная линия обороны вдоль границ Карабаха. По оценкам многих военных экспертов, насыщенность оборонительных позиций карабахской армии противотанковыми средствами и артиллерией позволяет им нанести серьезные потери наступающим азербайджанским войскам, что ликвидирует многократное превосходство азербайджанской армии в танках и иной бронетехнике в ходе первого удара, и не допускает возможность «блицкрига» и быстрого прорыва в глубь территории

¹² См. подробнее: Егор Гайдар, *Гибель империи. Уроки для современной России*, М., 2007; May V., «Уроки Испанской империи», *Россия в глобальной политике*, Т.3, №1, Январь – Февраль 2005; Svetlana Tsalik, *Caspian Oil Windfalls: Who Will Benefit?* Caspian Revenue Watch - Open Society Institute, New York, 2003; Amity Shlaes and Gaurav Tiwari, *Smart Countries, Foolish Choices*, A Maurice R. Greenberg Center for Geoeconomic Studies Working Paper, Council on Foreign Relations, No 1, April 8, 2008; Сергей Минасян, «Нефтяной фактор и политика Азербайджана в Карабахском конфликте», *Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта*, Аналитические записки Института политических исследований, вып. 3, Ереван, 2009.

Нагорного Карабаха. Причем, по оценкам многих международных экспертов, в ближайшие годы военный баланс в зоне конфликта кардинально не изменится¹³. Карабах и Армения вполне отдадут себе в этом отчет, и соответственно, угрозы войны не оказывают на них ожидаемого воздействия.

Что же касается дипломатических усилий и переговорного процесса, то реальность, сложившаяся по итогам более чем двадцати лет переговоров об урегулировании карабахского конфликта, такова, что в настоящий момент возвращение Карабаха Азербайджану как таковое отсутствует на столе переговоров. При любом из ныне обсуждаемых вариантов мирного урегулирования (будь то Мадридские принципы или иные актуальные предложения посредников) Азербайджан теоретически может рассчитывать на возврат каких-то территорий, но должен будет согласиться с тем, что сам Нагорный Карабах, как минимум в административных границах советского времени вместе с наземным коридором для связи с Арменией, не будет возвращен под его

¹³ Например, в опубликованном в ноябре 2007 г. Международной кризисной группой (ICG) специальном аналитическом докладе, озаглавленном «Нагорный Карабах: риск войны», отмечалось, что несмотря на довольно значительные закупки Азербайджаном вооружений, военный баланс в конфликте не изменился и вряд ли может измениться в ближайшее время, что во многом обусловлено выгодной для армянской стороны географической конфигурацией линии фронта в Нагорном Карабахе, где значительная часть господствующих высот находится под контролем армянской стороны, а уязвимые участки соприкосновения с азербайджанскими войсками представляют из себя глубоко эшелонированную линию фортификационных укреплений. При этом аналитики ICG отметили, что реальная опасность боевых действий может стать следствием не столько усиленной милитаризации Азербайджана, сколько возможного к 2012 г. резкого снижения добычи азербайджанской нефти и соблазна решить конфликт силой: «когда доходы от экспорта нефти Азербайджана, вероятно, начнут снижаться, и военная авантюра может представиться средством отвлечения внимания граждан страны от экономических проблем». «Nagorno-Karabakh: Risking War», *Europe Report No 187*, International Crisis Group, 14 November 2007. P.i-ii, 19.

юрисдикцию. Именно таково содержание предложений, находящихся ныне на столе переговоров Минской группы ОБСЕ. Ключевым элементом Мадридских принципов является референдум как механизм международной политико-правовой легитимации отделения Карабаха от Азербайджана¹⁴.

Между тем имеющееся у азербайджанского общества и элит стремление вернуть Карабах в состав Азербайджана в ближайшие годы не ослабнет. Как показывает мировой опыт, реваншизм проигравшей войну стороны способен сохраняться в течение долгого времени, и может исчезнуть или ослабнуть лишь тогда, когда у нее пропадет внутренняя надежда вновь выиграть войну — либо после повторного поражения, либо в результате осознания нереальности реванша¹⁵. Соответственно, неготовность к компромиссам и дискурс о возможности военного решения конфликта в краткосрочной перспективе практически безальтернативны для Азербайджана.

На позиции Азербайджана в карабахском вопросе негативно повлияли и косовский прецедент, и признание независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России — влиятельного международного актора и ядерной державы.

---

¹⁴ См. полный текст Мадридских принципов на официальном сайте Белого Дома: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Joint-Statement-on-the-Nagorno-Karabakh-Conflict/.

¹⁵ Ярким примером ослабления реваншизма проигравшей стороны в современных локальных конфликтах может служить Египет (и отчасти Иордания) в отношении к Израилю после серии поражений в войнах с израильтянами вплоть до 1973 г. И хотя по итогам Кэмп-дэвидских соглашений Израиль вернул Синайский полуостров, но главная и глобальная цель тогдашнего египетского руководства — полное уничтожение Государства Израиль, к которой в свое время Египет стремился, наверно, больше всех в арабском мире, теперь уже перестает восприниматься как таковая официальным Каиром. В результате, Египет в настоящее время поддерживает с еврейским государством довольно тесные отношения в торгово-экономической и даже туристической сферах.

Проблема для Азербайджана здесь не в возможных параллелях с Карабахом в правовой или политической плоскостях, а в возросшей легитимности создания новых государств в глазах международного сообщества и мировых держав.

«Пятидневная война» между Россией и Грузией в августе 2008 г., ставшая для Грузии «блицкригом наоборот», была также воспринята в Баку как крайне негативный прецедент. Крах сценария Сербской Краины в Южной Осетии и Абхазии, потеря Грузией в обозримой перспективе надежды на восстановление своей юрисдикции над двумя сепаратистскими автономиями, многочисленные жертвы и деморализация грузинской армии — все это вызвало к жизни неизбежные параллели с перспективой ведения войны в зоне карабахского конфликта. «Пятидневная война» привела и к реанимации в общественном восприятии Азербайджана «русской угрозы». На последствия войны наложилось резкое падение цен на нефть во второй половине 2008 г. Подписанная 2 ноября 2008 г. Московская (Майендорфская) «Декларация трех президентов» по Нагорному Карабаху, по которой официальный Баку взял на себя обязательство по урегулированию карабахского конфликта «мирными методами», также зафиксировала новый статус-кво на Южном Кавказе, повысив цену возобновления боевых действий в оценках азербайджанского руководства.

В таких условиях политика Азербайджана в карабахском вопросе включает в себя очень широкий диапазон различных периферийных действий, в том числе не только пропагандистских и дипломатических усилий и блокады коммуникационных путей Армении (при сохраняющемся вовлечении Турции в этот процесс), но и использования противоречий основных внешних игроков в регионе, а также торпедирования попыток налаживания регионального

сотрудничества на Южном Кавказе. Поскольку Азербайджан обладает финансовыми ресурсами для осуществления своей политики, она протекает интенсивно и охватывает самые разные сферы, от высокой политики до конкурсов песни.

3.2. Армения: комплементаризм и диаспора

Движение в поддержку Карабаха стало одной из концептуальных основ новой независимой армянской государственности; без этого движения невозможно представить себе сегодняшнюю Республику Армению. Значительную часть политической и военной элиты нынешней Армении составляют активисты карабахского движения, бывшие участники боевых действий или же просто выходцы из Карабаха и армянонаселенных регионов Советского Азербайджана. Борьба за независимость Карабаха, начавшаяся на закате советской эры, для современной армянской политической элиты имела не меньшее значение, чем борьба с коммунистическим режимом за независимость Армении.

Бремя нерешенного карабахского конфликта, экономические издержки транспортной блокады и необходимость поддержания военного баланса ввиду угрозы возобновления боевых действий, естественно, тормозят политическое и социально-экономическое развитие Армении. Ввиду неготовности сторон к компромиссам, на урегулирование отношений с Азербайджаном в краткосрочной или даже среднесрочной перспективе рассчитывать не приходится. Соответственно, Армения пытается налаживать отношения с внешними акторами в отрыве от карабахского фактора. Кроме того, армянская политическая элита надеется, что региональная интеграция и установление в регио-

не более доверительных отношений в перспективе создадут поле для налаживания сотрудничества и с Азербайджаном (именно в этой сфере лежал незавершившийся проект армяно-турецкой нормализации).

Вместе с тем, Армения использует карабахский фактор и как ресурс своей внешней политики, привлекая внимание европейских организаций и мировых держав к Южному Кавказу именно в силу наличия неурегулированного карабахского конфликта. Фактор конфликта используется для поддержания информационного и политического интереса к региону, а также стимулирования экономической помощи и политического содействия. В сущности, Ереван «эксплуатирует» тему карабахского конфликта для повышения геополитической роли Армении как в региональном формате, так и на общеевропейском уровне.

Другая составляющая политики Еревана в карабахском конфликте — так называемый внешнеполитический «комплементаризм», то есть попытка балансировать между интересами различных акторов, в том числе и находящихся в натянутых или даже враждебных отношениях между собой (как Россия и Грузия, США и Иран). В контексте карабахского конфликта успешному балансированию способствует и тот факт, что Азербайджан не рассматривается как столь же безусловно прозападное и заслуживающее поддержки Западом государство, как Грузия. Армении же, при ее союзнических отношениях с Россией, благодаря комплементаризму удастся не выглядеть в глазах Запада однозначно пророссийской страной. В результате Нагорный Карабах в восприятии западной политической элиты не стоит в одном ряду с Абхазией, Южной Осетией или Приднестровьем, воспринимаемым как российские протектораты и атавизмы российской имперской политики.

Кроме того, у Армении есть ресурс, который помогает ей реализовывать свою комплементарную политику, уравнивает Азербайджан в сфере политического лоббинга и способствует притоку в Армению экономических и финансовых ресурсов. Это рассеянная по всему миру достаточно многочисленная армянская диаспора, занимающая сильные позиции в экономической, социальной, культурной и политической жизни некоторых стран своего проживания¹⁶. По иронии судьбы, особенно крупные и влиятельные армянские диаспоры сосредоточены в трех странах-сопредседателях Минской группы ОБСЕ (США, Франции и России). Политические ресурсы диаспоры дают Еревану и Степанакерту возможность влиять на подходы внешних акторов в карабахском урегулировании, иногда даже совмещая кажущиеся несовместимыми позиции Вашингтона, Москвы, Парижа и Брюсселя. В результате, Соединенные Штаты, страна-сопредседатель Минской группы, являются второй после самой Армении страной, оказывающей прямую финансовую помощь Нагорному Карабаху. Другой сопредседатель – Россия – главный военно-политический союзник и партнер Армении в военно-технической сфере, а третий – Франция – основной лоббист Армении на европейской площадке, страна с традиционно глубокими культурными и общественными связями с Арменией.

Гонка вооружений, разумеется, тяжким бременем ложится на ограниченные экономические возможности Армении. Что же до опасности новой войны, то в Армении по-

лагаются на военный баланс и техническую невозможность блицкрига в Карабахе, а также на тот факт, что по мере наращивания гонки вооружений вероятность начала боевых действий в зоне конфликта снижается. Эта закономерность хотя и несколько парадоксальна, но хорошо знакома еще со времен Холодной войны и широко изучена в политической науке. Вступает в силу механизм так называемого взаимного сдерживания, когда в силу высокой поражающей силы военных потенциалов вовлеченных в конфликт сторон любые выгоды от начала боевых действий для страны, начавшей военные действия, не смогут оправдать понесенные ею людские и материальные потери, не говоря уже о политических последствиях для нее в результате негативной реакции международного сообщества (см. подробнее в главе 5).

3.3. Нагорный Карабах: вопросы права и безопасности

Позиция Нагорного Карабаха основана на идее легитимности и закономерности его борьбы за независимость по аналогии со многим случаями из мировой практики, таким, как Косово, Кипр, Эритрея и т.д. При этом в Карабахе настаивают на том, что к карабахскому конфликту должен применяться не принцип нерушимости границ (поскольку речь идет об административных границах, установленных по произволу Сталина и являющихся пережитком советского режима), а два других принципа международного права: права наций на самоопределение и неприменения силы при решении международных споров и конфликтов¹⁷.

¹⁶ Об армянской диаспоре см. подробнее: Виктор Дятлов, Эдуард Мелконян, *Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии*. Ереван: Институт Кавказа, 2009.

¹⁷ Дополнительную аргументацию позиция Карабаха получила после вердикта 22 июля 2010 г. Международного суда ООН относительно соответствия международному праву одностороннего провозглашения Косово своей независимости.

Карабахские элиты апеллируют к тому, что в истории еще не было примеров, чтобы народ, победивший в войне за независимость и в течение двух десятилетий успешно строящий свою государственность, добровольно отказался от этих своих достижений. Соответственно, переговоры об урегулировании конфликта должны, по их мнению, вестись при участии официального Степанакерта, поскольку достигнутые без его согласия договоренности все равно не смогут быть реализованы.

В контексте переговоров ключевой для Карабаха является физическая безопасность его населения. На фоне опыта инициированных Азербайджаном военных действий и депортаций армянского населения в первой половине 1990-х гг., а также постоянно звучащих из Баку военных угроз, Карабах хочет получить гарантии безопасности, как минимум равнозначные имеющимся, прежде чем пойти на компромисс с Азербайджаном. Нынешние гарантии безопасности Карабаха — это укрепленные и удобные для обороны границы, наличие транспортного коридора, связывающего Карабах с Арменией, а также буферной зоны вокруг административных границ Карабаха советского периода. При этом линия боевого соприкосновения карабахской и азербайджанской армии с севера ограничивается труднопроходимым Мравским хребтом, а с юга — границей с Ираном. Тем самым в несколько раз укорачивается линия фронта, что может позволить карабахской армии с меньшими силами устоять против нападения более многочисленной азербайджанской армии.

Жесткая позиция Карабаха в конфликте строится на том, что вывод карабахских подразделений хотя бы из одного района по периметру границ Нагорного Карабаха ослабит линию обороны и — в отсутствие окончательного

мирного соглашения — повысит реальность возобновления боевых действий, усилив искушение военного реванша со стороны Азербайджана в более выгодных для него условиях. На сегодняшний день укрепленная линия границ, прорыв которой потребует значительных потерь, является (наряду с бескомпромиссной позицией международного сообщества, отрицающей саму мысль о военном решении конфликта) самой действенной гарантией невозобновления боевых действий.

При этом равнозначной заменой имеющихся гарантий безопасности в Карабахе считают лишь согласие Баку на независимость Карабаха (или схожий статус) с заранее прописанным политико-правовым механизмом ее достижения, например, путем дополнительного плебисцита при наблюдении международных посредников и последующим признанием международным сообществом и самим Азербайджаном.

При всем том Карабах в последнее время стремится выйти из международной изоляции и участвовать в региональных проектах. Уже понятно, что изоляция Карабаха от международного сообщества лишь отдаляет перспективу примирения с Азербайджаном, формируя у карабахцев синдром осажденной крепости и неготовности к компромиссам.

4. Региональное и международное измерение карабахского конфликта

4.1. Посредники, великие державы и Европейский Союз

Подходы как региональных, так и глобальных акторов в карабахском конфликте вполне типичны для этнополитических конфликтов. Как и в других случаях, в карабахском конфликте одновременно проявляются жесткое соперничество и искреннее сотрудничество участвующих в переговорном формате великих держав и государств-посредников, ревнивое отношение соседей по региону как к конфликтующим сторонам, так и к активному вовлечению внешних акторов, классическое использование сторонами всего спектра механизмов военно-политического и экономического давления, и т.д.

Вместе с тем, существующий формат реального переговорного процесса вокруг Нагорного Карабаха, осуществляющийся под эгидой и при посредничестве Минской группы ОБСЕ, представляет собой довольно нетипичный случай сотрудничества государств, по другим вопросам жестко конкурирующих между собой на глобальной арене и

конкретно на постсоветском пространстве. Минская группа ОБСЕ по карабахскому урегулированию была создана в 1992 г. Формат сопредседателей МГ ОБСЕ включает Россию, США и Францию (в случае с последней предусматривается, что французский сопредседатель также в определенной степени выражает позицию ЕС)¹⁸, притом что интересы и политики этих трех стран в глобальном масштабе и на постсоветском пространстве зачастую не только конкурируют, но и вступают в открытое противоречие. Это происходит даже непосредственно в регионе Южного Кавказа, в частности, в связи с Грузией, где США и ЕС могут открыто противостоять или же выстраивать свою политику по отношению к России на грани открытой конфронтации, а по соседству, в том же кавказском регионе, иметь схожие подходы к процессу мирного урегулирования карабахского конфликта и даже консенсусное мнение по вопросу о недопущении развязывания новых боевых действий в Карабахе. Такая уникальная и в то же время осознанная реалистичная политика трех сопредседателей позволяет сохранить и продолжать чрезвычайно трудный процесс переговоров в условиях неготовности обществ и политических элит самих конфликтующих сторон к каким-либо реальным компромиссам.

Вполне естественно, что подходы основных внешних акторов к карабахскому конфликту определяются в том числе и их собственными интересами на Южном Кавказе и в прилегающих регионах. Это могут быть интересы в сфере как энергетики и коммуникаций (что актуально, например, для США и Франции), так и безопасности и геополитиче-

ского доминирования (как в случае с Россией и США, а также региональными державами — Ираном и Турцией). Кроме того, на подходах внешних акторов к карабахскому конфликту сказываются и соображения иного порядка: идеалы и принципы демократии и интеграции (четко проявляющиеся в позициях европейских стран и организаций, в том или ином формате вовлеченных в процессы урегулирования — например, Совета Европы или ОБСЕ), а также историческая и культурная близость к тем или иным государствам Южного Кавказа (что особенно актуально в случае с Россией и Турцией).

В этом плане примечательны попытки Европейского Союза играть более активную роль в регионе. Конечно, бюрократическим структурам (а ЕС, безусловно, таковой является) свойственна инерционность и неповоротливость, и особенно в сфере внешней политики. Однако изменившиеся после «Пятидневной войны» августа 2008 г. реалии на Южном Кавказе сказались и на региональной политике Брюсселя. Одновременно в европейских странах на экспертном уровне стали появляться высказывания в пользу пересмотра подходов Брюсселя к населению непризнанных республик Южного Кавказа¹⁹. Необходимость большего вовлечения населения де-факто государств в проекты ЕС аргументируют в том числе и тем, что это предотвратит их вовлечение в политическое и экономическое пространство России. И если раньше геополитические пристрастия Брюсселя в отношении конфликтных регионов были скорее на стороне «бывших метрополий» (во всяком случае, на

¹⁸ См. подробнее: "Conflict Resolution in the South Caucasus: The EU's Role", *Europe Report No173*, International Crisis Group, 20 March 2006.

¹⁹ См. например: Walter Kaufmann, "A European Path for Abkhazia: Yesterday's Pipe Dreams? ", *Caucasus Analytical Digest*, No7, 25 June 2009 (available from www.res.ethz.ch/analysis/cad).

